

ВИКТОР БУРЛАЧУК,

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, теории и методологии социологии Института социологии НАН Украины

Власть и тело: история любви

Abstract

Resting on fundamental ideas of M.Foucault, different forms of body assignment by the relations of power are investigated in the article. By the means of analysis of a disintegrated, disciplinary and erotized body a vision of evolution of body images is created in the correspondence to the history of power. The main conclusion is that a transition from a disciplinary to erotized body, as a new mean of control of human activity, is taking place.

Проблема тела и телесности была впервые сформулирована в постклассической философии в противовес понятию трансцендентального субъекта, чтобы построить концептуальную модель для анализа таких понятий, как любовь, сексуальность, аффект, смерть и др. В социологии проблема тела возникла в связи с необходимостью в описании повседневных практик, осмысленность которых возникает помимо сознательной деятельности их производителей (П.Бурдьё).

Из всего многообразия подходов к анализу тела, разработанных теоретической мыслью постмодерна (“феноменологическое тело” М.Мерло-Понти, “семиотическое тело” Ж.Бодрийяра, “тело без органов” Ж.Делёза), мы, опираясь на фундаментальные идеи М.Фуко, пытались проследить на примерах из европейской истории различные телесные практики, вписанные в подвижные отношения власти.

Способность распоряжаться телом или телами составляет одну из главных характеристик власти. Вспомним знаменитую формулу М.Вебера: государство есть человеческое сообщество, которое внутри определенной области претендует на монополию легитимного физического насилия. Физическое насилие возможно по отношению к человеческому телу, и право на это насилие закрепляет за собой государство. У власти “интимные отноше-

ния” с человеческим телом, которое она одна может легитимно подвергнуть смерти или заставить страдать.

Когда в работе “Воля к знанию” М.Фуко ставил задачу исследовать, “каким образом различные диспозитивы власти сочленяются непосредственно с телом — с телами, с функциями, с физиологическими процессами, с ощущениями и удовольствиями”, он имел в виду проанализировать стремление власти контролировать желание, которому нельзя придать никакого правового статуса, никакой юридической ответственности. Речь идет о дискурсе сексуальности и его развитии в эпоху Нового времени.

Дезинтегрированное тело

Однако интерес власти к телу как источнику неконтролируемого сексуального удовольствия этим не исчерпывается. Например, власть в европейском Средневековье интегрирована не столько с автономным телом, испытывающим удовольствие, сколько с телом, страдающим, уязвленным болезнями (тело святого мученика, юродивого и т.д.), или с телом, пытаемым, наказуемым за преступления. Средневековое тело не было автономным, оно принадлежало социальному институту: общине, цеху, церкви, сеньору. Отношения зависимости — это телесные отношения. Само средневековое общество мыслилось как тело. Например, церковь представляла себя как *corpus Christi* — тело Христово (подобным образом и светская власть мыслила себя как единый социальный организм). В 1542 году Генрих VIII обратился к своему парламенту следующим образом: “...Наше королевское положение никогда прежде не достигало такой высоты, как во времена Парламента, в котором мы как глава и вы как его члены связаны в единое государственное тело”.

“Дезинтегрированное” тело средневекового человека имело общую кровеносную систему с институтами власти, от которой зависела его жизнь и смерть. Телесно-вещественный характер этой в то же время в высшей степени спиритуализованной власти Средневековья можно увидеть в широко распространенном мифе о короле-чудотворце.

Речь идет об обряде исцеления, который возник в IX–X веках в Англии и во Франции и просуществовал в течение восьми веков. Восемь веков(!) европейские народы верили, что французские и английские короли способны посредством возложения рук исцелять золотушных больных. Данное явление средневековой жизни было детально изучено французским историком М.Блоком в его классической работе “Короли-чудотворцы” (1924).

Эта, на первый взгляд, очень специальная работа М.Блока интересна тем, что позволяет увидеть в основании веры в способность королей исцелять золотушных больных (страдающих разновидностью туберкулезного аденита: воспалением лимфатических узлов, вызванным бактериями туберкулеза) систему представлений, являющихся классическими для понимания сущности власти европейского Средневековья. Лекарственной субстанцией, способной излечить золотушного больного, являлось не магическое заклинание, не химический препарат, не сеанс у психотерапевта. Такой субстанцией была власть, скрытая в династическом теле короля. Однако целительная мощь короля не была его личным свойством. Она проистекала из его сана: король был чудотворцем, потому что был королем. Ритуал исцеления, продукт абсолютной “политизации” тела — результат непосредственного включения его в отношения власти.

Для политических воззрений Средневековья источник власти содержится в статусном теле, в теле короля так же, как сила бойца заключена в его мышцах. Особый телесный статус короля (“физическое присутствие величия”) определял эффективность его правления. Понятие “статус” первоначально означало не социальное признание или престиж, получаемые определенной социальной группой от остальных членов общества, а особое качество королевского тела, его естественную способность управлять и властвовать. Мильтон в “Истории Британии” пишет, что когда король приказывает океану не двигаться далее на его землю, он пытается придать силу своему необычному приказу, произнося его со “всей статью [state], которую его королевское достоинство могло сообщить его виду” [цит. по: 1, с. 15].

Обладатель статуса наделен особым органом, концентрирующим в себе властные полномочия. Им могут быть руки, глаза, обладающие сверхъестественными свойствами.

Так, русский император Николай I был “всевидящим монархом”, “вездесущее проникновение” которого внушало страх и благоговение. Его глаза преследовали всех, кто его видел; казалось, что они проникают всюду, даже в души его слуг. Современники царя отмечали, что никогда не испытывали того ледящего чувства, какое вызывал в них его вид. Когда Николай говорил, его “свинцовые глаза” не отрывались от того, к кому он обращался, “как если бы он желал найти в глубине его души тайную мысль”. Особенно страшным находили его левый глаз, который был похож на “раскаленный докрасна гвоздь”, испускающий особый пронизывающий жар. Его пристальный взгляд выражал несокрушимое превосходство. Его лицо, как и его поведение, было плодом долгих занятий и продумывания того образа, который, по его мнению, должен был возвышать власть [2, с. 406].

Такое представление о власти, когда источником властных полномочий выступает династическое тело, связано с тем, что власть еще не превратилась в некую дезантропоморфную сущность. Обладание властью предполагает физические усилия, умение держать меч и щит, наносить удары и уклоняться от них, заставлять противника подчиниться. Приказ еще не превратился в безличный юридический документ, рожденный в запутанных лабиринтах канцелярий и скрепленный печатью. Его произнесение требует телесных усилий, напряжения мышц лица, горла, особого положения тела, являясь акустическим продолжением династического тела. Чтобы отдать приказ, требуются сверхординарные физические усилия, которые недоступны обычному телу, лишенному соответствующего достоинства и величия. Кто будет подчиняться уродливому карлику с гноящимися глазами и трясущимися руками?

Разрабатываемое современной социологией понятие габитуса (П.Бурдьё, Н.Элиас), отражающее инкорпорированность социальных структур в человеческое тело, позволяет по-новому оценить представления средневекового общества о телесном характере власти. Представление о том, что сущность власти следует искать в природе социальных отношений, а не в субъектах, наделенных властными полномочиями, является односторонним. Согласно такому представлению у носителя власти не существует врожденного мандата на осуществление власти, он король только потому, что другие являются подданными.

Бурдьё отмечает, что основные требования социального института вписаны в схематизм тела, “тело принимает всерьез перформативную магию со-

циального” [З, с. 111]. Такой социальный институт, как монархия, не просто создает возможность тому или иному индивиду стать королем, придворным или крестьянином. Требования социального института вписаны в телесную схему индивида, поэтому можно утверждать, что тело короля иначе сформировано, чем тело придворного. Король, банкир, священник — это не просто люди, одетые в разные одежды, носители различных социальных смыслов; они представляют собой разные типы тела. “Собственность присваивает собственника, воплощаясь в форме порождающей структуры практик, наилучшим образом адаптированных к ее логике и требованиям” [З, с. 111]. Социальное значение оказывается не внешним предмету, которому оно приписывается, оно определенным образом оформляет предмет, который наделяется значением. Это значение, персонифицированное в человеческом теле, обладает объективным статусом, как бы независимым от носителя этого смысла. Как считает Бурдьё, этот смысл трансцендентен по отношению к субъективным намерениям и сознательным планам. Благодаря этому объективированному смыслу обеспечивается консенсус между смыслом практик и миром.

Власть для средневекового сознания — не отношение, а качество тела, его статус. Одежда, церемонии, ритуалы суть продолжения статусного тела, в которых оно находит отражение и подтверждение своей особой телесности. В ритуале в тело внедряются определенные символы (скипетр, держава, трон), чтобы затем из единства тела и символов сформировать новое державное тело, обладающее правом учреждать и приказывать. Комплексный характер статусного тела, собранного из различных регалий и символов, может быть вновь разложен на отдельные элементы, которые, в зависимости от признанности традиции, продолжают сохранять потенциал властных полномочий. Маршалльский жезл, царская печать, епископский посох представляют собой аналоги статусного тела.

Дальнейшая эволюция понятия *status* связана с радикальным изменением его значения. Статус начинает характеризовать не только состояние царственного тела (*status regis*), но и характер управляемого королевства или республики (*status regni*), а затем непосредственно специальный аппарат управления, так *status* превращается в *state* (государство). Формирование идеи государства можно рассматривать как процесс “расширения” королевского тела до масштабов определенной территории. Тело короля превращалось в метафору единства государства, в метафору, посредством которой мыслилось общество как совокупность тел индивидов, как единый социальный организм. Отождествление тела короля и тела государства было подготовлено средневековой политической мыслью, благодаря представлению о двойном теле короля — одном смертном, а другом бессмертном, которое и есть государство.

Величие и достоинство как характеристики человеческого тела переносятся на социальный институт, благодаря чему институт антропоморфизируется, а тело деперсонализируется. Одновременно процесс превращения королевского тела в политическое тело наделяет государство функцией нового грамматического субъекта (“государство объявляет войну” и т.п.). Однако понятие тела продолжает определять природу государственной власти, так Дж.Понет настаивает, что наивысшая политическая власть во всякое время пребывает в “теле, или *state* королевства или республики”.

Телесно-вещественное происхождение государства получает свое свидетельство в идее государства как вещи-собственности. Исследователь Макиавелли Джек Хекстер проанализировал “использование слова *lo stato* в “*Il Principe*” и обнаружил, что “на *lo stato* никогда не работают, ему не помогают, не служат, не почитают, не восхищаются, не боятся, не любят; к нему что-то присоединяют, на него нападают, им владеют, его захватывают, оккупируют, приобретают, удерживают, его теряют”. Короче говоря, оно является призом в борьбе за него, оно “инертная масса”, а не политическая единица, готовая к действию. Из 110 упоминаний *lo stato* в тексте “*Il Principe*” в связи с политикой 35 раз оно появляется вместе только с пятью глаголами — *acquistare* (приобретать), *tenere* (держат), *mantenere* (удерживать), *togliere* (брать), *perdere* (терять)” [4, с. 156]. Понятно, что глаголы “приобретать”, “держат”, “удерживать”, “брать” и “терять” характеризуют взаимодействие с вещью, отвергая такие формы взаимоотношения с государством, как служение или работу на общее благо.

Утверждение идеи государства осуществляется через процесс превращения личной зависимости в безличную, индивидуальной — в коллективную. При этом безличное стремится функционировать как личное. “Подданный, или по-латински *subditus*, традиционно клялся в лояльности своему правителю как вассал сеньору. Но с распространением идеи, что верховная власть сосредоточена не у правителей, а у агента под названием “государство”, на смену этому пришла привычная нам точка зрения, что гражданам положено быть прежде всего лояльными по отношению к самому государству” [1, с. 61].

Здесь начинается уникальный процесс, охватывающий новоевропейскую историю, когда место индивидов занимают абстрактные ценности, которые, заняв место человека, антропоморфизируются и начинают выступать в качестве полноценных субъектов, требующих применительно к себе всего того комплекса форм поведения, который уместен в отношении субъекта. Происходит универсальная подмена человека ценностью. Оказывается, можно служить не только конкретному лицу, но и отечеству, умирать не за императора, а за государство. Посредством экспансии таких ценностей, как свобода, равенство, братство, отечество, власть пытается замаскировать свой интерес, выдать свои собственные цели за общественные.

Подобным образом претерпевает изменение юридическая норма, квалифицирующая факт измены-преступления, когда вместо измены королю появляется измена государству. Оказывается, можно изменить не только отдельному лицу (королю), но и социальному институту (государству). Такие превращения обусловлены появлением нового социального тела, которое не ограничивается телом короля-суверена. Формирование абстрактного представления о власти совпадает с формированием новой национальной телесности, где функцию родства и общей крови выполняют язык и традиция.

Европейские мыслители эпохи формирования национальных государств не заметили того факта, что национальная общность вырастает из тела короля, которое своей органикой питает развитие новой телесности. Для них образование государства представлено как целиком рациональный процесс, результат социального договора.

Договор как конституирующий государство институт исходит из принципов декартовской механики, согласно которой как механизм собирается из деталей, так и социальное целое собирается из отдельных людей как его

частей. “Немедленно вместо отдельных лиц, вступающих в договорные отношения, этот акт ассоциации создает условное коллективное Целое, состоящее из стольких членов, сколько голосов насчитывает общее собрание. Это Целое получает в результате такого акта свое единство, свое общее я [moi], свою жизнь и волю. Это лицо юридическое, то есть образующееся в результате объединения всех других и некогда именовавшееся *Гражданской общиной* [Citi], а ныне — *Республикою* [Rpublique] или *Политическим организмом* [corps politique]: его члены называют этот политический организм *Государством* [Etat], когда он пассивен, *Сувереном* [Souverain], когда он активен, *Державою* [Puissance] — при сопоставлении его с ему подобными. Что до членов ассоциации, то они в совокупности получают имя *народа* [Peuple], а в отдельности называются *гражданами* [Citoyens] как участвующие в верховной власти, и *подданными* [Sujets] как подчиняющиеся законам Государства. Но эти термины часто смешиваются, и их принимают один за другой; достаточно уметь их различать, когда они употребляются во всем их точном смысле” [5, с. 161–162].

Политическое тело создается договором, который наделяется характером божественной креативности, поскольку в результате этого появляется новая телесность, некое общее “я”, имеющее свою жизнь и волю. Однако этому телу все время угрожает процесс диссоциации, разложения на составляющие его элементы. Вместо отдельного политического тела появляется множество тел. В зависимости от того, как эти тела соотносятся друг с другом и с властью, мы получаем разные совокупности тел, если эти тела участвуют в верховной власти, то это граждане, если эти тела подчиняются законам, то это подданные, а в совокупности эти тела — народ.

Моделью общества-государства выступает собрание, иллюзия изначального равенства, в нем нет старших и младших, отцов и детей, начальников и подчиненных. Государство перестает мыслиться как некая вещь, как собственность, которой можно завладеть или на которую можно заявить свои права; оно перестает отождествляться с территорией, которую можно захватить или к которой можно что-то добавить. Государство мыслится как акт ассоциации, благодаря которому оно приобретает свое тело и душу. Вне этого коллективного акта у государства нет ни тела (территории), ни души; понятие общей воли вытесняет понятие собственности. Народ вручает свои права собственности королю, который становится собственником, владельцем вещи под названием “общая вещь” (Rpublique).

С наступлением Нового времени монархов сменили парламенты и сенаты, а власть не уставала изобретать все новые “политические технологии тела”.

Дисциплинарное тело

В новых технологиях власть занята не столько тем, чтобы доказать свое “чрезмерное присутствие” посредством практики исцеления, сколько тем, чтобы “разрушить и собрать тело заново” (М.Фуко). Ее не удовлетворяет тело, полученное в наследство от природы, сохраняющее остатки своей самостоятельности. Ей нужно тело, полностью соответствующее механизмам власти, своеобразный человек-машина.

В XVIII веке в Европе (во Франции около 1760 года) появляется новая дисциплина, призванная решить эту задачу, — *физическое воспитание*. Про-

исходит радикальная смена всех прежних представлений о физических упражнениях: из индивидуальных и добровольных они превращаются в коллективные и принудительные, из забавы — в обязанность. Обществу нужны граждане и солдаты, поэтому представители всех сословий — от наследника престола до сына ремесленника — делают одни и те же упражнения. В 1817 году в Париже открывается “Образцовый военный и гражданский гимнастический зал” — первый публичный гимнастический зал во Франции. Упражнения проделываются в помещении, на снарядах, целым коллективом, с песнями (несколько сотен учеников, собравшись в гимнастическом зале, могут выполнять одновременно одни и те же упражнения).

Гимнастика представляла собой науку нравственности в действии. Каждый ученик, приходивший в гимнастический зал, получал физиологический лист, в котором преподаватель заносил его физические и моральные данные, а затем, по ходу занятий, отмечал успехи, достигнутые им в обеих областях. Одновременно физическое воспитание выполняло высшую цель — подготовку к войне.

Дисциплинарное тело формируется не только посредством дисциплинарных пространств (школа, фабрика, казарма, тюрьма, больница, подробно описанные М.Фуко), но и посредством *приказа*. Приказ мобилизует тело, заставляя его двигаться в определенном направлении, стоять на месте, принимать определенные положения или артикул. Сущности приказа чуждо покоящееся, лежащее, отдыхающее тело, в котором ему видится пагубное безволие, скрытое сопротивление, а то и вызов существующей власти. Сопротивление приказу всегда предполагает попытку противопоставить вездесущности приказа автономность тела, создать место, свободное от дисциплинирующих оков власти. В приказе высказывание приравнивается к действию. Это особая форма волеизъявления субъекта, предполагающая способность добиваться желаемого результата, посредством воздействия на третьих лиц: по определению, нельзя отдать приказ самому себе.

Слова приказа не похожи на обычные слова, их императивность требует изменения существующего положения вещей. На этот их особый характер обратил внимание русский писатель Ю.Тынянов. Герой его рассказа “Подпоручик Кижэ” “привык внимать словам приказов как особым словам, не похожим на человеческую речь. Они имели не смысл, не значение, а собственную жизнь и власть. Дело не в том, исполнен приказ или не исполнен. Приказ как-то изменял полки, улицы и людей, если даже его не исполняли”.

В основе приказа лежит убеждение, что мир может быть изменен, переустроен сообразно слову, а не действию.

Идея универсального приказа покоится на фетишизации письменного слова. Не следует думать, что эта идея по мере прогрессивной рационализации общества ушла в далекое прошлое. Как раз становление бюрократического общества с его строгой регламентированностью и внешней рационализацией выявило скрытую магию приказа. Вспомним первого президента Украины Л.Кравчука, который, оказавшись в сложной экономической ситуации, заклинал парламент: скажите, что делать, я подпишу любой указ.

В развитых бюрократиях приказ деперсонализируется и автономизируется, его связь с лицом, уполномоченным отдавать приказ, становится опосредованной. Эта автономность, в первую очередь, обусловлена письменной фиксацией приказа. Способ существования приказа отделяется от того физического усилия, которое было имманентно ему присуще и как импульс

воздействовало на другое тело. Письменная форма приказа наделяет его объективным смыслом и отчуждает от сиюминутности ситуации.

Императивность приказа деперсонализируется всей массой бюрократического аппарата.

Появление канцелярии — святилища, куда приходят, где хранятся и откуда уходят приказы, где приказ приобретает вещную плоть письменного слова, изменяет самую сущность приказа, превращая его в манифестацию сверхличного разума.

Априорная предпосылка приказа покоится на вере в существование особой бюрократической реальности, которая живет, дышит и умирает согласно регламенту и уставу. Напряжение между бюрократической реальностью и реальностью, не охваченной законом, правилом, процедурой, составляет вечную коллизию приказа.

Бюрократическая реальность отличается от реальности повседневного мира и обладает собственной логикой. Эта реальность манифестирует себя как знак, содержащий в себе собственную референцию. Изменение знака может произвести новую реальность.

Достаточно допустить грамматическую ошибку, и из небытия возникает подпоручик Кижэ, герой упоминавшегося рассказа Ю.Тынянова. Стоит изменить расположение слов в начале письма, и меняется его смысл. Так, обращение, написанное в одну строку, означает приказание, а в две строчки — просьбу. Гоголем, Тыняновым описаны приключения не столько бюрократической реальности, сколько ее порождения — фантомного тела. Эти фантомные тела в виде мертвых душ, чиновничьих носов, подпоручиков Кижэ срastaются с телами конкретных людей, создавая удивительные узоры бюрократической реальности.

Фантомная реальность приказа вырождается в феномен власти *без индивида*. Подпись того или иного лица, стоящая под приказом, перестает свидетельствовать об его авторстве. Анализ деперсонифицированной власти приводит к парадоксальному результату: качество быть индивидом переходит от верховного суверена, короля, императора к лицу подчиненному.

Описываемая нами “анонимность” приказа подтверждается рассуждениями М.Фуко о сущности дисциплинарной власти, “собирающей” нового человека. Внедрение дисциплинарных методов воспитания привело к появлению целого шлейфа письменных идентификаций индивида: свидетельство о рождении, больничная карточка, классный журнал, аттестат, диплом и т.п. Все эти документы являются официальными средствами индивидуализации.

Традиционно индивидуализация касалась высших эшелонов власти. Создавались различные родословные древа властвующей элиты. Чем больше у человека было власти и привилегий, тем тщательней его жизнь увековечивалась в различного рода сочинениях: летописях, жизнеописаниях, житиях.

Как отмечает Фуко, становление дисциплинарной власти оборачивает “политическую ось индивидуализации”. Власть постепенно становится все более анонимной и функциональной, в то время как тот, над кем она осуществляется, все более индивидуализируется.

Своего апогея мечта власти о дисциплинированном, физически закаленным теле, полностью подчиненном интересам государства, достигла в образовательной политике Третьего рейха, опирающейся на такие заявления фюрера: “Все образование, осуществляемое национальным государст-

вом, должно быть прежде всего нацелено не на то, чтобы забивать головы учащимся знаниями, а на то, чтобы формировать здоровое тело”. Нацизм наследует символику *Turnverein* (гимнастического общества), для его целей гимнастика подходит как нельзя лучше — гораздо лучше, чем соревновательные или индивидуальные виды спорта, поскольку в гимнастике современное общество находит ритуал, позволяющий выражать солидарность очень больших анонимных общностей, имеющих сходную культуру.

Основными чертами “фашистского стиля” жизни в Италии были “быстрота, решительность, динамизм”. По решению правительства все итальянцы независимо от возраста, социального положения и пола должны были по субботам заниматься военно-спортивной и политической подготовкой. Муссолини сам являл пример для подражания, устраивая заплывы через Неаполитанский залив, бег с барьерами и скачки на лошадях. За годы фашизма в Италии было построено большое количество стадионов, бассейнов и спортплощадок. Модными и повсеместными стали массовые гимнастические упражнения, ибо движения в едином ритме, по мнению фашистов, способствовали выработке чувства коллективизма. Муссолини требовал, чтобы все партийные сборища сопровождалось занятиями физкультурой, а иерархи сдавали спортивные нормы. Даже в повседневной жизни дуче нашел способ проверять уровень их подготовки: входя в здание, Муссолини стремглав устремлялся вверх по лестнице, увлекая за собой всю свиту.

В отличие от нацизма, выросшего из сети националистических спортивных организаций, советская власть, перевозбужденная идеями утопического прожектерства, первоначально вообще не обращала внимание на телесную сторону человека. Цель всей ее радикальной культурной политики состояла в формировании новых взглядов, ценностей и норм поведения. Объектом политического контроля должен был стать, в первую очередь, внутренний мир человека. Проповедуя принципы научного материализма, власть на самом деле главным своим врагом считала не какие-либо материальные силы, а идею: монархическую, буржуазную или анархистскую.

Поэтому культурный проект, предлагаемый властью, исходил из того, что главным объектом реформирования человека и общества являются сознание и поведение. Косность и инертность народной массы означали не физические, а психические ее характеристики.

Объект социального управления стал приобретать телесные черты после того, как власть столкнулась с проблемой экономического развития и обороноспособности страны. Создаются Центральный институт труда для изучения движения, применяемого в рабочих процессах, для дрессуры мышечных реакций человека в производстве и Всеобуч (Всеобщее военное образование) для подготовки человеческого материала к военному делу. Цель этих организаций заключалась в том, чтобы превратить трудящуюся массу в организованное, методически вымуштрованное тело, “военнообразно организованный народ”. Советская власть, открыв для себя человеческое тело как объект политического воздействия, начинает пересматривать свое отношение к сознательной стороне человеческого поведения. Оказывается, можно воздействовать на массу и не обращаясь к сознанию. Провозглашенное триединство тела, воли и духа означает, что посредством тела и воли можно формировать дух.

В военной советской доктрине делается ставка на массу солдат, верных советскому государству, а не на военную технику. Физически закаленная и

психически подготовленная массовая армия способна противостоять любому противнику.

Эротизированное тело

Современная власть открывает новый уровень контроля над телом, создавая идеал стерильного тела, лишённого физиологических функций. В рекламе тиражируется образ модного современного тела без запаха, без морщин, без перхоти, без жировых отложений, без болезней. Если ещё в середине XX века власть была озабочена дисциплинированием массового тела посредством парадов, демонстраций, спортивных состязаний, то сейчас место тоталитарного тела заняло стерилизованное тело современной косметики.

Как показал Пьер Бурдьё, создание потребностей замещает сегодня нормативное регулирование, реклама занимает место идеологической индоктринации, а соблазны заменяют надсмотр и принуждение. Власть осуществляет контролирующую функцию не с помощью принуждения, а с помощью соблазна.

Что такое соблазн? Соблазн — это постоянно обновляющаяся сфера потребления, предлагающая бесконечный веер новых услуг и товаров. Потребляющее тело находится в особых отношениях с предметным и культурным мирами. Оно перестаёт взаимодействовать с миром как с некоей косной материальной субстанцией, с неподатливой сопротивляющейся вещью, требующей больших физических и психических усилий. Оно взаимодействует с миром как знаком, потому что предметная, самостоятельная сторона вещи растворена в голой функции, вещь сведена к абстрактной полезности. Знак указывает на то, как эта вещь может быть употреблена, подчеркивая ее целеобразную функцию.

Утрачивая сопротивляющуюся плотность предметного мира, само тело становится бесплотным, монофункциональным. Самым распространенным способом взаимодействия с предметным и культурным миром становится режим “включения-выключения”. Включается не только бытовая техника, но и мир культуры, посредством присоединения к коммуникативным сетям. Тело перестаёт затрачивать мускульные усилия на взаимодействия с предметным миром, оставляя их для тренажерного зала.

Норберт Элиас, пытаясь осмыслить социальные регулятивы, которые формируют тело современного человека, отмечает тотальность регистра шоу, репрезентирующего истину тела: “все больше и больше деятельность, которая изначально занимала всего человека со всеми членами его тела, переносится на глаза, зрительные и слуховые удовольствия становятся все более интенсивными, богатыми, изысканными и всеобщими” [6, с. 166–167]. Для Элиаса доминирование зрительных и слуховых удовольствий — продукт социального регулирования, итог дифференцированного и всестороннего контроля за поведением человека. Однако Элиас, на наш взгляд, ошибается, полагая, что интенсификация зрительных удовольствий сопровождается все большими ограничениями и запретами телесных удовольствий. Тотализация видения находит свое воплощение в эротизации окружающего пространства, в легитимации эффекта подглядывания. Рекламные щиты, раскрывающие тайны женского белья, прозрачные стены кафе, трансляция по телевидению во всех подробностях жизни группы, участвующей в шоу, — все это символы универсальной просматриваемости. Взгляд извне осуществляет развертку

тела, уничтожая его глубину и его тайну. Одномерное тело, лишённое глубины, приводит всеобщую эротизацию к самоотрицанию.

Современное тело перестает быть телом труда, войны, победы, приказа или подчинения. Оно становится чувственно-переживающим, стремящимся усилить, продлить или обновить впечатления. Безостановочный поиск новых впечатлений вовлекает тело в целую систему зависимостей, которую создает и использует многочисленная сфера услуг.

В стандартизованном теле — парадоксальным образом — ищут главный источник индивидуализации. Разнообразные виды татуировки, пирсинг, акриловые ногти и синтетические ресницы служат различными способами индивидуализации стандартизованного тела. Происходит крушение тысячелетних практик формирования европейского человека, его индивидуальности, которые исходили из опыта его телесного и духовного самосовершенствования.

Образцом символической идентификации становятся главные фигуры шоу-бизнеса: актер, топ-модель, рок-певец. Идентификация с топ-моделью, несмотря на все присущие ей антропологические черты, на деле означает идентификацию не с человеком, а с вещью. Субъективное в модели представлено как вещное, поскольку сама модель из себя ничего не представляет, она лишена индивидуальности, она не индивид, а чистый конструкт, ее одежда, стиль, “уникальная” внешность созданы другими. Символическая идентификация означает точку, место, с которого мы себя видим. Точка, с которой мы себя видим, означает взгляд Другого, общества, символической системы. Соответствие взгляду Другого дает шанс на приобретение позиции, связанной с социальным доминированием. Представляемый топ-моделью образ совершенного тела содержит в себе код жизненного успеха и источник социальных шансов. Обладая таким телом, ты можешь рассчитывать на получение определенной доли социального капитала. Здесь мы можем наблюдать как в подвижных отношениях власти произошло изменение направления ее вектора, который вместо династического тела императора стал указывать на косметическое тело модели.

Дисциплинарное общество формировало образцы эталонных тел, соответствующие каждому уровню социальной иерархии: тело аристократа, воина, крестьянина, монаха, женщины. Каждое из этих тел формировалось под воздействием определенных дисциплинарных практик, основным нормализующим средством которых была физическая дрессура, основанная на системе принуждения и наказания. В современном обществе происходит унификация идеала тела: эталонное тело дифференцируется не по групповому, а по половому признаку, хотя и здесь существует тенденция к стиранию этого различия, а нормализующим средством выступает косметическая хирургия.

Косметическая хирургия вытесняет физические упражнения, направленные на развитие силы и выносливости, утверждая единый стандарт человеческого тела, лишённого расовых или этнических отличий. Например, в операциях по блефаропластике (операции на глазах с целью изменения черт лица, указывающих на этническую принадлежность человека) утверждается стратегия глобализированного тела, чуждого этнической идентификации.

Тело модели все время находится в движении. Даже на фотографиях в иллюстрированных журналах оно фиксируется в определенной позе, указывающей на приостановленное на миг движение. Сущность этого тела кинематографична, оно движется по подиуму, едет на машине, плещется в морских волнах. Оно символизирует новый образ власти, которая, избегая пространственной

локализации, перемещается по миру с кейсом и мобильным телефоном. В этом оно противоположно образу стабильно восседающего на троне монарха.

Фланирующее по подиуму тело вовлекает в образующийся вихрь смены впечатлений остальные культурные тела. Перманентное движение тела создает иллюзию насыщенности жизни, преодолевающей государственные и культурные границы, увлекаемой потоком новых впечатлений. “Мир охвачен процессом “производства” и “потребления” мест. Сегодня основные компоненты, позволяющие “исполнять” современную глобальную культуру, включают гостиничный буфет, коктейль, пляж, зал ожидания аэропорта и бронзовый загар” [7, с. 137]. Нарратив современной телесности рассказывает о мобильном теле, испытывающем разнообразные ощущения, образуемые непрерывной сменой чувственных ландшафтов. Этот нарратив используется практикой туризма, в котором движущееся тело постоянно воспринимает себя вовлеченным в “сложные связи между телесными ощущениями и социокультурными чувственными ландшафтами, опосредованными дискурсом и языком” [7, с. 140].

Разнообразие всех телесных переживаний фокусируется в сексуальных ощущениях, восполняющих для субъекта нехватку символической целостности.

“Ален Эренберг, французский социолог, назвал один из будних вечеров в октябре 1983 года поворотным пунктом во французской культурной (и не только культурной) истории: тогда некая Вивиан объявила миллионам телезрителей о том, что ее муж, Мишель, страдает преждевременным семяизвержением и что, естественно, она никогда не испытывала удовольствия от секса с ним” [8, с.257].

З.Бауман определяет это явление как вторжение частного в сферу публичного, однако не для того, чтобы взаимодействовать с ним, а скорее чтобы вытеснить его. На наш взгляд, здесь происходит процесс узурпации тела самим опытом публичности. В данном случае речь не идет о гигиене половой жизни или о нормах половой морали. Речь идет о новой форме социального контроля, когда контролируются не только идеи, мысли, чувства или поведение человека, но и его физиология. Оказывается, что физиология не есть нечто предопределенное природой, независимое от субъективных усилий человека, как независим цвет кожи или глаз. Общество не может мириться с тем, что существует некая инстанция в человеке, ускользающая от социального контроля. Власть никогда не устраивало человеческое тело, данное природой. Она всегда пыталась определенным образом трансформировать, приспособить и обуздать его. В определенном смысле, процесс социализации — это процесс перманентного насилия и принуждения.

В данном случае социальный контроль вступил на новую ступень своего развития. Он начинает контролировать физиологическую функциональность человеческого организма. Тем самым мы можем наблюдать, как меняется понятие девиантного поведения. Девиантным поведением становится не то поведение, которое отклоняется от социальной нормы, а поведение, отклоняющееся от нормы физиологической.

Физиологический процесс становится социальным и подлежит социальному контролю. У мужа Вивиан не должно быть преждевременного семяизвержения, как не должно быть обильного пота, волос с перхотью, запоров и т.п. Благодаря рекламе отправления организма становятся социально значимыми, поскольку тело должно быть максимально приспособлено для удо-

вольствия. Посредством масс-медиа формируется социальный идеал тела. Таким идеалом выступает не закаленное со шрамами тело воина, не мускулистое тело рабочего, не изможденное тело аскета, а рафинированное тело коллекционера удовольствий.

Как отмечает Ж.Бодрийяр, товарам, благам, услугам придается некое воображаемое свойство женственности, все они образуют магическое поле соблазна. Идет ли речь о рекламе мобильного телефона, шампуня или пористого шоколада — везде витает мелкий бес чувственного искушения.

Поэтому не случайно в обществе утвердился культ юности и здоровья. Быть молодым, быть здоровым — это не столько дар судьбы, сколько моральная обязанность. При этом в молодости видят не столько источник творческой энергии, готовность жить по-новому, свободу от стереотипов и традиций, а способность наиболее остро реагировать на удовольствия, быть наиболее отзывчивым к разнообразию чувственных ощущений. Быть больным, старым не только плохо, но и морально безответственно.

Согласно Бауману, в обществе произошло разрушение социальных институтов, поддерживающих социальный порядок. В эпоху модерна источником социального порядка выступали промышленные фабрики и основанная на всеобщей воинской повинности армия. Мужчины, прошедшие через эти дисциплинирующие институты, приобретали привычки, способствующие поддержанию социального порядка. Соответственным образом формировались и социальные нормы, предъявляемые к человеческому телу. Здоровым считался человек, который мог служить в армии или работать на фабрике. Медицинская норма здоровья соответствовала тем требованиям, которые общество предъявляло к мужчинам для выполнения физических нагрузок, необходимых для военной службы или промышленного труда.

В современном обществе отпала необходимость в массовой армии и массовом промышленном труде. Современный человек вырастает в условиях, когда обогащение чувственного опыта становится нормой социальной жизни. “Постоянная открытость для неизведанных ощущений и жажда нового опыта, всякий раз более богатого и глубокого, чем раньше, — все это необходимые условия для того, чтобы поддаваться обольщению. Не “здоровье” (*health*) с его акцентом на стабильное состояние или неподвижный шаблон, к которому могут быть сведены все хорошо натренированные тела, а “соответствие” (*fitness*), подразумевающее постоянное движение или готовность к движению”, — пишет Бауман [8, с. 283].

Общество выталкивает промышленный труд на периферию социальной жизни, он перестает быть социально значимым фактом и, тем самым, источником социального богатства. Труд перестает восприниматься как служба на благо общества, как источник морали и принцип реальности. Труд как производительный труд уступает место труду-услуге, представляющему собой разновидность непроизводительного труда. Такое слияние всякого труда с обслуживанием позволило Ж.Бодрийяру заявить о конце производства, поскольку в обществе исчезает различие между производительным и непроизводительным трудом.

В ситуации услуги тело находится в иной конфигурации, чем в ситуации производства. В производстве телу противостоит объект в качестве некоего чуждого вещества, требующего целенаправленного воздействия, в результате которого возникает определенный продукт. В процессе такого целенаправленного воздействия тело формирует не только объект, но и самого себя. У

него появляются новые навыки, которых не было до взаимодействия с объектом. Оно преодолевает сопротивление материала, развивая в себе волю.

Предоставление услуги означает отдачу своего тела, времени, ума, независимо от того, производится что-нибудь или нет. В отличие от производительного труда, в результате которого тело формирует объект, услуга скорее наоборот низводит тело до состояния объекта. Тело деперсонализируется, приобретая характеристики вещи. Своего апогея деперсонализованное тело достигает в рекламе, где оно предстает как объект бесконечного перечня укрепляющих, лечащих, облагораживающих средств.

Реклама подготавливает тело к его функции быть доступным, пригодным, сообразным. Все остальные свойства, препятствующие социальной утилизации, должны быть исключены или минимизированы.

Вовлечение телесных функций в сферу социального опосредствования вынудило представителей французского постмодерна сформулировать свою знаменитую идею тела без органов. Телесным функциям, которые могут быть подвергнуты социальной манипуляции, противостоит тело, единственная инстанция, сохраняющая свободу от социального контроля. Устойчиво дифференцированные функции органов являются продуктом захвата тела отношениями власти, они препятствуют возможности вариативного самоконструирования тела. Поэтому неизбежен момент, когда тело, пресытившись органами, хочет их сбросить. В противоположность органам тело описывается как бесформенное и бесструктурное, обладающее лишь интенсивной реальностью, в нем, так же как в ризоме, нельзя выделить фиксированного центра, отвечающего за жизнедеятельность организма.

Меняется власть — меняются и способы захвата тела отношениями власти. Контролируя выделения тела, посредством дезодорантов, гигиенических прокладок, памперсов, презервативов, она берет на себя функцию выделения тела. Власть осуществляет полную деконструкцию тела, ее уже не интересует дисциплинированное тело, она создает фантом тела, лишённого своих физиологических функций.

Мы не знаем, какие новые политические технологии тела будут изобретены. Скорее всего, нас ожидает новая материализация метафоры Фуко, зажившего, что власть разбирает и собирает тело заново.

Литература

1. *Скиннер К.* The State // Понятие государства в четырех языках. — СПб.; М., 2002. — С. 12–74.
2. *Уортман Р.С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. — М., 2002.
3. *Бурдые П.* Практический смысл. — СПб., 2001.
4. *Хархордин О.* Что такое “государство”? Русский термин в европейском контексте // Понятие государства в четырех языках. — СПб.; М., 2002. — С. 152–217.
5. *Руссо Ж.-Ж.* Об Общественном договоре // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. — М., 1969. — С. 151–256.
6. *Элиас Н.* Общество индивидов. — М., 2001.
7. *Урри Дж.* Взгляд туриста и глобализация // Массовая культура: современные западные исследования. — М., 2005. — С. 136–150.
8. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. — М., 2002.